

БОГОСЛОВСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭПИДЕМИЙ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XI–XVI ВЕКОВ

Роман Сергеевич Киселев

Аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

romankicelev@mail.ru ORCID: 0009-0004-3948-4791

DOI: 10.54700/8v31jt85

Аннотация. Статья посвящена анализу богословских интерпретаций эпидемий в повествовательных памятниках Восточной и Юго-Восточной Европы XI–XVI вв.: анналах, летописях, хрониках, житиях. Эпидемии осмыслились как проявления гнева Божия, наказание за грехи и знаменения эсхатологического характера. Исследование показывает, как религиозное сознание Средневековья формировало устойчивые модели духовного реагирования на коллективные бедствия. Актуальность статьи обусловлена недавней пандемией COVID-19, а также появлением новых заболеваний с высоким процентом летальности («оспа обезьян», вирус «Нипах») и в целом неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой последних лет.

Ключевые слова: эпидемия, мор, чума, оспа, эрготизм, казни Божии, эсхатология, Средневековье, Восточная Европа, Юго-Восточная Европа.

Для цитирования: Киселев Р. С. Богословское осмысление эпидемий в повествовательных памятниках Восточной и Юго-Восточной Европы XI–XVI веков // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2025. № 4 (16). С. 65–87. DOI: 10.54700/8v31jt85

THEOLOGICAL UNDERSTANDING OF EPIDEMICS IN NARRATIVE MONUMENTS OF EASTERN AND SOUTH-EASTERN EUROPE OF THE 11th–16th CENTURIES

Kiselev Roman Sergeevich

Postgraduate student, St. Petersburg State University (Russia)

romankicelev@mail.ru ORCID: 0009-0004-3948-4791

DOI: 10.54700/8v31jt85

Abstract. This article analyzes theological interpretations of epidemics in narrative texts from Eastern Europe in the 11th–16th centuries: annals, chronicles, and hagiographies. Epidemics were conceptualized as manifestations of God’s wrath, punishment for sins, and eschatological signs. The study demonstrates how medieval religious consciousness shaped sustainable models of spiritual response to collective disasters. The relevance of this article is determined by the recent COVID-19 pandemic, as well as the emergence of new diseases with high mortality rates (monkeypox, Nipah virus), and the generally unfavorable sanitary and epidemiological situation in recent years.

Keywords: epidemic, pestilence, plague, smallpox, ergotism, God’s punishments, eschatology, Middle Ages, Eastern Europe, South-Eastern Europe.

For citation: *Kiselev R. S. Theological understanding of epidemics in narrative monuments of Eastern and South-Eastern Europe of the 11th–16th centuries // Sretensky Word. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2025. No. 4 (16). Pp. 65–87. DOI: 10.54700/8v31jt85*

Введение

Эпидемии (моровые поветрия, мор) в Средние века были неотъемлемой составляющей повседневной жизни каждого человека. Население целых регионов массово погибало от таких болезней, как бубонная и легочная чума, лепра (проказа), черная оспа, эрготизм (или «Антонов огонь»). Для научного сообщества давно уже не является секретом их оче-

видная связь с экстремальными природными явлениями. Именно в периоды экологических катастроф, таких как долгие засухи, холодные зимы и сильные наводнения, отмечались вспышки эпидемий и эпизоотий в природных очагах болезни, а затем дальнейшее распространение инфекции через военные или торговые пути, т. е. включался так называемый социальный фактор [Малахова, Малахов 2014: 30].

Цель статьи — выявить упоминания об эпидемиях (эпизоотиях) в ряде повествовательных памятников славянских народов Восточной и Юго-Восточной Европы XI–XVI вв. и проанализировать их богословское осмысление, сформировавшееся в рамках господствовавшей в то время религиозной картины мира с такими ее фундаментальными идеями, как эсхатологическое мышление и теория казней Господних.

Краткая характеристика источников

Корпус повествовательных источников, созданных народами Восточной и Юго-Восточной Европы в XI–XVI вв., безусловно, огромен. Поэтому для работы над статьей нами были выбраны лишь небольшое количество нарративов, в которых систематически сообщается об эпидемиях. Среди них анналы (Анналы Краковского и Познаньского капитулов, Пражские анналы и др.), хроники («Хроника» Галла Анонима, «Хроника чехов» Козьмы Пражского, Хроника Литовская и Жмойтская и др.), восточнославянские летописи (Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская I летописи), исторические сочинения («Хроника» Янко (Яна) из Чарнкова, «Хроника» Яна Длугоша и др.) и жития (Житие св. Войтеха (Адальберта), Житие св. Стефана Дечанского и др.).

Изучению проблем эпидемий в Средние века в отечественной историографии посвящено не так много работ. Выделим в первую очередь монографию Е. П. Борисенкова и В. М. Пасецкого [Борисенков, Пасецкий 2002]. В этом фундаментальном труде ученые рассмотрели экстремальные природные явления, в том числе эпидемии и эпизоотии, отмеченные в многочисленного рода источниках (среди которых сочинения античных и византийских авторов, древнерусские летописи, европейские анналы и хроники, а также данные регулярных метеорологических наблюдений XVIII — начала XX вв.), — в период с V в. до Р. Х. и вплоть до начала Первой мировой войны. В них достаточно много уделено внимания причинам, ареалу и характеру

распространения эпидемий на протяжении 2500 лет истории человечества. Авторы пришли к выводу, что к значительному росту заболеваемости и увеличению подтвержденных случаев эпидемий (в первую очередь чумы) начиная с XIII в. привел комплекс различных факторов: климатических, антропогенных и социальных. Особенно они выделяют роль климатических изменений, которые начались уже со второй половины XII в., когда малый климатический оптимум постепенно стал переходить в малый ледниковый период.

Монография А. С. Малаховой и Н. С. Малахова посвящена реконструкции важнейших аспектов самосознания древнерусского человека, связанных с осмыслением болезни и организацией противостояния ей в быту и повседневной жизни [Малахова, Малахов 2014]. Это историко-антропологическое исследование выполнено с привлечением большого количества письменных источников разных типов, включая агиографические и нравственно-дидактические сочинения, летописи, хождения, правовые памятники, свидетельства иностранцев о России, с привлечением данных археологии, палеоантропологии и этнографии. Важное место в нем занимает анализ географических, климатических и социальных факторов заболеваемости в древнерусском социуме.

Отдельная глава, посвященная восприятию природных катастроф (в первую очередь землетрясений и эпидемий) в раннесредневековом византийском обществе, содержится в фундаментальном труде В. В. Василика [Василик 2016]; также отдельный параграф, посвященный восприятию эпидемий, анализу сообщений о них в письменных памятниках и способам борьбы с болезнями с помощью разного рода религиозных и духовных практик (в основном заговоры, обереги-амулеты) у славянского и угро-финского населения Восточной Европы, есть в монографии Д. В. Пузанова [Пузанов 2018]. Также отметим, что за последние 30 лет вышел ряд статей российских исследователей, посвященных экстремальным природным явлениям, в том числе и эпидемиям [Изуткин 2018; Козловский 2012; Лаушкин 1998; Нешпор 2021; Шайкин 2002; Шпаковский 2016].

В зарубежной историографии тематика природных бедствий (в частности эпидемий и эпизоотий) разрабатывается уже с начала XX в. [Curschmann 1900]. О вере средневекового человека в его исцеление от золотухи путем возложения рук короля писал еще один из создателей «Школы анналов»

М. Блок [Блок 1998]. Вспышки эпидемий чумы в разных регионах Европы в период т. н. Великого голода 1315–1317 гг. проанализировал в своей статье Г. Лукас [Lucas 1930]. Отметим и ряд трудов зарубежных авторов второй половины XX в., затрагивающих в них тему эпидемий/эпизоотий [Lamb 1995; Поньон 2009; Phillips 2023]. Отдельно упомянем работы, посвященные феномену эрготизма [Caporalet 1976; Matossian 1989].

Анализ топосов эпидемий

Несмотря на то, что голод, по сути, не является болезнью, зачастую сведения о голоде и эпидемиях в письменных памятниках Средневековья тесно связаны друг с другом. И это вполне объяснимо, поскольку «во время голода усиливалась миграция населения. Все это способствовало возникновению и распространению инфекционных заболеваний. Поэтому часто голод сочетался с эпидемиями или предшествовал им» [Малахова, Малахов 2014: 54]. В сознании средневекового человека эти два разных по своей природе явления — голод и мор — были тождественны, потому что оба они были ниспосланы Богом в наказание за грехи отдельных людей, жителей определенной местности или даже целых народов и государств. А потому записи о голоде и море часто приводятся в рамках или одного и того же, или следующих друг за другом сообщений. Итак, попытаемся проследить эту взаимосвязь.

Первые упоминания о голоде и эпидемиях мы находим еще в сообщениях, относящихся к IX–X вв. Так, в «Анналах Краковского капитула» читаем, что в 807 г. «ужасная смертность была среди братии в Фульдском монастыре» [Анналы Краковского капитула 2023: 423]. «В Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского находим сообщение, что «в 813 г. Господь послал на Болгарию большой голод и мор. Тогда Муртагон (болгарский хан Омуртаг, сын Крума. — Р. К.) стал прилежно молить Христа и дал ему обет — если прекратятся голод и мор, то он окончательно примет христианскую веру. И сразу же был услышан. На краткое время гнев Божий перестал тяготеть над Болгарией» [Паисий Хилендарский 1990: 235]. Обратим внимание, что здесь мор в связке с голодом выступают одновременно как в качестве орудия Божественного возмездия, устрашения язычников, так и в роли способа, призванного доказать могущество истинного Бога, его расположение именно к христианам.

В «Анналах дубровницкого Анонима» под 901 г. читаем: «В Рагузе царила жестокая смертность, никто не знал, откуда она взялась и что это за болезнь; эту болезнь нельзя было вылечить ничем другим, ни укусом с кислым молоком, ни питьем пресной воды» [Annales Ragusini Anonimi 1883: 20]. Что это была за болезнь, нам так и осталось непонятным.

Сразу несколько сообщений об эпидемиях второй половины X в. находим в «Хронике Сазавского монаха». В 963 г. «войско императора Оттона поразило мор» [Monachi Sazavensis continuatio Cosmae 1851: 148]. В 988 г. «чрезмерный летний зной погубил почти все плоды, и за этим вскоре последовал сильный мор среди людей» [Ibid.: 149]. В 989 г. «появилась комета, за которой последовал сильнейший мор среди людей и скота, особенно среди быков» [Ibid.]. Даже из этих лапидарных сообщений уже можно сделать несколько выводов. Во-первых, хронист в качестве причин эпидемии выделяет как рациональные (гибель урожая), так и иррациональные (появление кометы) причины. Во-вторых, для автора голод и мор — это одно целое, что мы впредь еще не раз увидим. В-третьих, в источниках мы встречаем одно из первых описаний эпизоотий, причем хронист подчеркнул, что погибали именно домашние животные.

Но именно в XI–XIII вв. количество сообщений о голоде и эпидемиях становится значительным. Подробное описание нескольких эпидемий находим в «Хронике» Яна Длугоша. В 1003 г.: «Великая чума в Польше. Двойное зло, приносящее смертным великое опустошение, а именно чума и голод, воцарилось, и эпидемическая болезнь распространилась не только на польские земли, но и почти на весь мир, причем болезнь была столь ужасной, что из-за отвращения хоронивших живых, в которых еще теплился дух, засыпали [землей] вместе с мертвыми и подлежащими погребению» [Dlugossii 1964: 245]. В 1007 г.: «Голод и всеобщая эпидемия. Голод, мор и люта́я чума не только в Царстве Польском, но это было почти по всему миру, бедствия эти погубили множество смертных и оставили покинутыми многие города и селения» [Ibid.: 258]. В 1051 г.: «Из-за того, что командир войска императора подчинился [этим ложным приказам], в армии впервые начался голод, а вместе с ним и другое зло — чума и дизентерия» [Dlugossii 1970: 63]. В 1083 г.: «у русских в их землях возникла ужаснейшая зараза, погибло множество смертных обоего пола. 13 апреля киевский князь Всеволод, сын Ярослава и внук Владимира, также умер от этого мора и был погребен в церкви святой

Софии в Киеве сыновьями Владимиром и Ростиславом, которых [после себя] оставил» [Ibid.: 150].

Проанализируем эти сообщения. Во-первых, Длугош в трех первых записях также объединяет голод с мором (чумой) в устойчивую бинарную конструкцию, топос, подобный библейскому: *а кто в городе, того пожрут голод и моровая язва* (Иез 7, 15). Во-вторых, мы впервые встречаем упоминание о дизентерии. В-третьих, обратим внимание, что по данным русских летописей, страшный мор на Руси датируется не 1083 г., а 1092 г., и великий князь киевский Всеволод (1030–1093) умер вовсе не от него [Лаврентьевская летопись 1926: 215–216].

Говоря об эпидемиях, нельзя не упомянуть про события, произошедшие в Полоцке в 1092 г. и нашедшие свое отражение как в Лаврентьевской летописи, так и в белорусско-литовском летописании: «Бысть казнь на полочанѣх, чюдо предивно в Полоцьку: вѣины в мечтѣ, топоть коневыи чюти и копыты видити, пусто стеньаше в ноц по улицам, яко во множество, а паки человеци бѣси рщуще и в дни являхуса и уязвляхуса люди полоцькыи и с того умираху. И аще кто вылязаше из храмины, хотяше видѣти, и уязвени бываху невидимо и умираху, такоже и в областѣх» [Лаврентьевская летопись 1926: Стб. 214–215; Летописи белорусско-литовские 1980: 119]. Д. В. Пузанов, комментируя полоцкую эпидемию, находит в этом летописном известии определенную связь с древнескандинавской мифологией, где неоднократно встречались упоминания о мертвых воинах, скачущих на конях [Пузанов 2018: 22–28]. Мы, предполагая то, что древнерусский летописец, написавший эти строки, был человеком чрезвычайно образованным для своей эпохи, согласимся с мнением А. Е. Мусина, который видел в оседланных навиями конях отсылку к всадникам Апокалипсиса [Мусин 2005: 190].

Сообщение о моровом поветрии в Полоцке 1092 г. вполне можно причислить к циклу эпидемий, опустошавших земли Центральной и Восточной Европы в 90-е гг. XI в. Многочисленные упоминания о них находим и в других славянских письменных памятниках. Так, в «Чешской хронике» Козьмы Пражского приведено свидетельство чешских епископов, побывавших в 1094 г. в Германии: «В этом году была большая человеческая смертность, особенно в немецких областях. Когда упомянутые епископы возвращались из Майнца и проходили через одну деревню под названием Амберк, они не смогли войти, чтобы послушать обедню, в приходскую

церковь, расположенную за деревней, хотя она и была достаточно обширной. Весь пол церкви был устлан трупами, так что не оставалось свободного места. В городе Кагер также не нашлось дома, в котором не было бы трех или четырех умерших» [Козьма Пражский 1962: 174].

Сообщение о страшном море в Германии в 1094 г. подтверждает и Ян Длугош в своей «Хронике»: «В этом году Германию поразил ужасающий и беспримерный мор, который обрушился на все сословия, так что многие города, деревни, сёла и местечки остались пустыми, лишившись жителей. Но поляки и их земли по милости Божьей не испытали на себе эту заразу» [Długossii 1970: 180]. Как мы видим, польский хронист придерживается своей «генеральной линии» об избранности польского народа, который по милости Господней в этот раз избежал эпидемии, в отличие от немцев, очевидно, не так «угодных Богу». Подтверждение информации об эпидемии 1094–1096 гг. мы находим еще в двух чешских источниках [Annales Gradicensis 1861: 648; Annales Pragenses 1839: 120].

Описание следующего явления отличается от уже рассмотренных нами случаев, поскольку здесь идет речь не о море, и даже не о болезни, а скорее о массовом помешательстве. Читаем в «Хронике» Галла Анонима, что отряд поморян-язычников ограбил церковь в местечке Спицимеж (это событие произошло в 1109 г.): «Они, однако, унесли дорожную дарохранильницу архиепископа и другое церковное имущество и сейчас же ушли с ним и с взятым ранее архидьяконом. Но всемогущий Господь спас как архиепископа, священника и храм, так впоследствии вернул архиепископу имущество и весь санктuariй нетронутыми и непоруганными. Ведь каждым из язычников, который брал в руки церковные предметы или священные одежды или сосуды из святилища, овладевала падучая болезнь или ужасное безумие; и вот поэтому, потрясенные всемогуществом Бога, они были вынуждены вернуть все пленному архидьякону» [Галл Аноним 1961: 101].

Это же чудо, когда Господь насыляет на нечестивцев, посягнувших на церковное имущество, падучую болезнь, описано и в «Великопольской хронике», причем с новыми подробностями: «Но всемогущий Господь не пожелал, чтобы обида, нанесенная духовному лицу, осталась неотомщенной: неожиданно поразил Он насильников, их жен и детей губительной чумой так, что они, как безумные, поочередно то мечом, то камнями нападали на своих близких людей и их, не узнав, как врагов своих, отгоня-

ли от собственных жилищ» [Великопольская хроника 1987: 89]. Причем, в отличие от своего предшественника Галла Анонима, автор «Великопольской хроники» сообщает нам, что «из-за этой напасти некоторые из них [поморян] жалким образом окончили свою жизнь и так долго мучились, пока, наконец, поняв причину наказания и своего безумия, не отдали епископу все похищенное у него, не приняли католическую веру и совершенно не отреклись от поклонения язычеству. [Они] с поклоном отпустили архидьякона и обещали, дав заверения, выплачивать и десятину, и первую часть» [Там же]. Таким образом, мы видим, что болезнь, насланная Богом на язычников, в конечном счете оказывается для них благом, способствуя осознанию всей тяжести своего нечестивого поступка и в конечном итоге обращению к свету Божественной истины. С еще большей патетикой данное событие под 1107 г. описывает и Ян Длугош [Długosii 1970: 232].

В 1133 г. по сообщению Вышеградского каноника «вслед за затмением последовала большая смертность среди людей» [Canonici Wissegradensis continuatio Cosmae 1851: 138] Речь идет о лунном затмении 24 февраля 1133 г., которое, по мнению хрониста, привело к большой эпидемии. В «Хронике Сазавского монаха» читаем, что в 1154 г. жителей Чехии поразила страшная мор: «Когда день уже завершился и надвигались ночные сумерки, произошло лунное затмение. После этого на людей напал сильнейший мор» [Monachi Sazavensis continuatio Cosmae 1851: 159]. Здесь перед нами отчетливо проступает еще один топос, характерный для средневековых письменных памятников: сначала Господь посылает предупреждающее знамение, а затем следует Его наказание.

В «Истории архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского под 1180 г. читаем рассказ о том, как Господь наказал убийц архиепископа Райнерия: «Сплитчане же, проведя розыск убийц архиепископа, обнаружили нескольких, которых сразу же вздернули на виселицу. Всемогущий Бог недолго позволял оставаться безнаказанным такому злодейству: ведь все, кто приложил нечестивую руку к пролитию невинной крови, спустя короткое время погибли вместе со своим потомством — кто от голода, кто от меча, кто от чумы» [Фома Сплитский 1997: 63]. И вновь мы видим, как чума вкупе с голодом становятся орудием Божественного возмездия для злодеев.

В «Пражских анналах» читаем под 1186 г.: «В четверг случилось солнечное затмение. Случилась большая смертность [мор] среди людей» [Annales

Pragenses 1839: 121]. Это очередной пример связи небесного знамения и природного бедствия — инструментов проявления Божественной воли.

Вновь возвращаемся к «Истории» Фомы Сплитского, где читаем описание осады в 1203 г. крестоносцами хорватского портового города Задара, бывшего соперником могущественной Венеции и жестоко поплатившегося за это: «Как только задарцы увидели, что они окружены войском, они сильно испугались, не зная, как им разумнее поступить. Но тут вдруг на них напал такой великий мор, что в городе не осталось столько живых и здоровых, которые были бы в состоянии хоронить мертвых; трупы несчастных были брошены в домах и церквях непогребенными; достойные сострадания граждане не знали, о чем им лучше заботиться, о погребении или об общественных обязанностях. Вот и получилось, что несчастный город, не обороняемый своими воинами, быстро и легко был захвачен врагами. Божья кара пала на них как раз в день святого Грисогона, который ими особенно почитался» [Фома Сплитский 1997: 69]. Перед нами еще один убедительный пример, когда мор является орудием в руках Господа, который помогает «хорошим» христианам (в данном случае крестоносцам и поддерживающим их венецианцам) и карает «плохих» (причем не язычников, а христиан — жителей Задара, вызвавших своим поведением Его гнев).

В «Летописи Панцырного и Аверки», в сообщении под 1205 г., читаем о море: «Поветрие было в те годы худое в Польше» [Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного 1975: 203]. В Волынской краткой летописи читаем о море в Смоленске в 1230 г.: «Того жь лѣта в Смоленську сътвориша 4 скудилници, в дву 16000, а в третей 7000, а в 4 — 9 сот. Се же зло бысть под двѣ лѣта» [Летописи белорусско-литовские 1980: 120]. Сюжет о великом море в русских землях 1230–1231 гг. хорошо известен и по древнерусским летописям, в частности новгородскому летописанию, где с животрепещущими подробностями описаны последствия этого ужасного природного бедствия, причем в конце своего рассказа летописец горько замечает: «И тако ны богъ възда по дѣлоиъ нашимъ» [Новгородская первая летопись 1950: 69–71; 279–280].

В «Великопольской хронике», в рассказе о событиях 1259 г. читаем интереснейший рассказ о борьбе польского князя-принцепса Болеслава V Стыдливого с одним из своих противников, Казимиром I Куявским: «Говорят также, что, когда Болеслав стал преследовать Казимира и его войско, та-

кой страх обуял их сердца, что они подумали, будто бы все деревья и есть люди из войска Болеслава и, напуганные этим, избрали средством защиты бегство. Удивительным образом побежденные в этом бегстве, они приписывали дар победы Господу Богу и справедливости Болеслава. И нет сомнения, что свыше была ниспослана помощь всемогущего Господа, который не покидает тех, кто возлагает на него надежды, ведь он [Болеслав] победно с немногими одолел такое множество» [Великопольская хроника 1987: 183]. Описание этого же эпизода есть и в «Анналах познаньского капитула» [Annales Capituli Posnaniensis 1892: 459]. По мнению хрониста, Господь был на стороне Болеслава, поразив сердца и души его противника страхом (возможно, это было массовое психическое расстройство или попросту паника), благодаря чему Болеслав Стыдливый и одержал победу.

В «Малопольских анналах» читаем рассказ о событиях 1284 г.: «Татары пришли в венгерскую землю, которая называется Семиградье, и многих христиан схватили и убили. Христос же, защитник христиан, наслал на них сильный голод и чуму. Узнав об этом, жители Семиградья одержали победу, обращаясь к Богу: “Лучше было бы нам погибнуть от меча, чем от голода в замках и городах из-за татар умереть”. И приносили жертвы [Господу]. Услышав это, татары окружили себя христианами, сделав из них какое-то подобие хоровода, видя который христиане, жалели своих братьев и по этой причине не мешали язычникам сражаться с ними; но сказали христиане: “лучше было бы защищаться каждому из нас, да не погибнем все мы вместе с ними”; и тогда, с Божьей помощью, они победили язычников, и тогда были освобождены пленники и с ликованием вернулись восвояси» [Annales Polonorum 1866: 646]. Здесь Господь насылает голод и болезни на врагов христиан — татар (конечно же, имеются в виду монголы). В «Анналах Седживоя» читаем под 1298 г.: «Сильный мор был во всей Польше» [Annales Sandivogii 1892: 429].

В 1314 г. в «Кратчайших анналах Богемии» читаем: «Из-за сильного мороза и снега сделалась ужасная дороговизна и мор среди людей и грубых животных; [их пало] несметное множество, и сделалась тогда неслыханная нужда» [Annales Bohemiae brevissimi 1861: 720]. Следующее упоминание о чуме встречается в 1330 г., когда в «Малопольских анналах» читаем: «В это же лето умер Владислав, сын Владислава, и был погребён у миноритов. Но в год чумы отец перебрался в Саксонию» [Annales Polonorum 1866: 654].

В 1347–1348 гг. мир столкнулся с бедствием такого масштаба, какого не испытывал никогда за всю свою историю. Пандемия «Черной смерти» (так называли бубонную чуму) унесла, по разным данным, от одной восьмой до двух третей населения [Lamb 1995: 182]. В «Анналах дубровницкого Анонима», в записи от 1348 г., читаем свидетельство современника, описавшего последствия эпидемии: «В Рагузе свирепствовала чума. Это была не чума, а гнев Божий. Из числа дворянства погибло 170 человек, среди которых были господа, дамы и дети, 300 человек из простого народа и 1000 человек из черни; вышеупомянутая чума продолжалась один год, а затем прекратилась» [Annales Ragusini Anonimi 1883: 39]. Хронист искренне верит, что эпидемия была ниспослана свыше! И вера эта была подкреплена теорией казней Божиих, согласно которой «Бог наводит какую-либо казнь или иноплеменников, по гневу Своему, за то, что мы не обращаемся к Нему, поэтому, если какая-либо страна согрешает, Бог наказывает ее смертью, или голодом, или нашествием иноплеменников, или бездождем и другими различными казнями, чтобы мы, покаявшись, жили так, как Бог велит, вещая нам чрез пророка: “обратитесь ко Мне всем сердцем вашим в посте и плачи”» [Феодосий Печерский 1879: 62].

В 1350–1380-е гг. «Черная смерть» продолжила свою страшную жатву по Европе. В «Летописи Панцырного и Аверки» читаем про вспышку чумы в Польше в 1358 г.: «От морового поветрия за шесть месяцев умерли почти половина поляков, в том числе высшего дворянства и мещан. В одном только Кракове вымерло 20 тысяч человек» [Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного 1975: 203]. По-видимому, эта же вспышка эпидемии описана и в «Анналах Седживоя» в 1360 г.: «В Польше среди людей был самый сильный мор» [Annales Sandivogii 1892: 430].

«Анналы дубровницкого Анонима» сообщают нам, что в 1361 г. «как и прежде, 15 января в Рагузе случилась великая чума, которая продолжалась год. Она была привезена из Александрии» [Annales Ragusini Anonimi 1883: 41]. Через два года вспышка эпидемии повторилась: «В Рагузе была чума, которая длилась 3,5 месяца; затем она остановилась, с большим усердием молились Богу и раздавали милостыню бедным, церквям и монастырям» [Ibid.]. Затем беда пришла на русские земли. Согласно сухим строчкам Академической летописи, в 1365 г. «Морь бысть в Новѣгородѣ во Нижнем, на Костромѣ и во Ярославли, и во Ростовѣ» [Летописи белорусско-

литовские 1980: 105]. Мор продолжился и в следующем 1366 г.: «...бысть мор силен на люди» [Там же: 120].

А в 1371–1372 гг. очередная эпидемия чумы была зафиксирована в Польше. Читаем о ней в «Хронике» Янка из Чарнкова: «О великой эпидемии в Польше. В те же два года, а также во время смерти короля, в Польше была сильная эпидемия. Но сразу же на следующий год, с сентября месяца, в Польше началась большая эпидемия чумы среди людей, особенно среди молодых мужчин и женщин, юношей и девушек, и она продолжалась целый год до сентября месяца, в течение которого многие тысячи людей, увы! погибли» [Joannis de Charnkow 1872: 652]. Современники связывали эту вспышку чумы с небесными знамениями и солнечным затмением, наблюдавшимися в это же время.

В 1373 г. Дубровник вновь оказался под властью эпидемии чумы: «В Рагузе свирепствовала эпидемия, которая длилась год и месяц; потом рагузцы совершили великую молитву, и чума прекратилась» [Annales Ragusini Anonimi 1883: 42]. Из этого сообщения мы впервые видим, что лишь обращение жителей города к Господу помогло остановить страшную эпидемию. В «Краткой хронике королевства Богемии XV в.» читаем про вспышку чумы, которая охватила в 1380 г. чешские земли: «В 1380 году Господнем чума была по всей земле Богемии; она началась в праздник святой Маргариты [13 июля] и продолжалась до праздника всех святых (1 ноября)» [Ein «Chronicon breve regni Bohemiae saec. XV» 1899: 462]. Это сообщение подтверждается еще двумя источниками, причем любопытно, что везде даются разные даты эпидемии [Lateinische Handschriften in St. Petersburg 1880: 605; Annales Bohemiae brevissimi 1861: 719].

В «Хронике» Янка из Чарнкова читаем о «великом море», пронесшемся по Европе в 1383 г.: «О поветрии на людей, свирепствующем в разных частях света. В том же году (1383) в Риме, почти во всей Италии и окрестностях Средиземного моря, в землях, которые называются Мерания, а местами также на нижнем Поморье и в [некоторых] районах сандомирской, краковской, чешской, силезской и великопольской земель свирепствовал великий мор, от которого в Риме и за его пределами умерло много польских прелатов и каноников» [Joannis de Charnkow 1872: 751].

В Никифоровской летописи читаем, что и в 1387 г. «бысть мор силен в Смоленську» [Летописи белорусско-литовские 1980: 26]. В Волинской краткой летописи под 1390 г. имеется запись, что «бысть мор

в городѣ» (очевидно, что в данном случае речь идет о Москве. — Р. К.) [Там же: 121].

С XV в. случаи голода и эпидемий фиксировались в письменных памятниках Восточной Европы регулярно. В Слуцкой летописи под 1401 годом читаем, что «и мор был вѣлик на люди» [Там же: 73]. В 1416–1417 гг. новая волна эпидемии чумы охватила всю Восточную Европу. В Супрасльской летописи под 1416 г. читаем, что «бысть в Новегороде мор силен железю и в Ладозе, и в Русе, и в Порхове, и в Пъсковѣ, и в Торъжку, и во Твери, и в Дмитровѣ, и по волостемъ» [Там же: 105]. Византийский хронист Георгий Сфрандзи с горечью пишет о том, что в ходе этой вспышки чумы умерла вся его семья: «Зимой того же [1416] года начался мор на Черном море <...> первым умер ребенок, через 7 дней после ребенка — отец, а спустя семь дней после отца — мать, а также шестеро из их слуг, мужчин и женщин, так что осталось лишь двое из них» [Георгий Сфрандзи 1987: 188]. В 1417 г. чума пришла и в Константинополь. У того же хрониста мы узнаем, что «в августе умерла от чумы и деспина кира Анна из России и была похоронена в Ливском монастыре» [Там же: 189]¹. В Слуцкой летописи отмечается, что в 1430 г. в Литве «божим повелением паде на землю мочь великаа, за тымь не можаху в Литовьскую землю поити» [Летописи белорусско-литовские 1980: 77]. И вновь мы видим в этом сообщении ясный мотив Божественного возмездия, оружием которого выступает «мочь великая», т. е. мор.

В следующем XVI столетии мы также неоднократно сталкиваемся с упоминанием в летописях голода и эпидемий. Например, в «Хронике Быховца» читаем, что в 1504 г. был «mor weliki w Mensku, y stoial nemalo po wsey zemli» [Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного 1975: 170]. В «Житии Юлиании Лазаревской» читаем описание моровой язвы в 1570-х гг. в Московском государстве: «Помалѣ же моръ бысть на люди силен, и мнози умирааху пострѣлом, и оттого мнози в домѣхъ запираахуся, и уязвенных пострѣломъ в домъ не пущаху, и ризам не прикасахуся» [Житие Юлиании Лазаревской 2006: 110]. Под конец XVI в. встречается еще несколько упоминаний о моровых поветриях и в Баркулабовской летописи. В 1588 г. «у месте Виленском там у тых краях, такъже у Киеве и на многих странах великий мор был» [Там же: 178].

¹ Анна Васильевна, первая жена императора Иоанна VIII была дочерью великого князя Василия I, внучкой Дмитрия Донского.

Далее читаем, что в 1597 г. «были хоробы, болезни розмаитые, многие, великие» [Там же: 183]. Практически дословно это сообщение процитировано и в записи на следующий, 1598 г.: «Того року были хоробы, болести многие розмаитые» [Там же: 184]. Возможно, это была эпидемия, продолжавшаяся несколько лет подряд.

Отметим, что множество сообщений о голоде и моровых поветриях встречаются в источниках в начале XVII в. Так, упомянутые выше Баркулабовская летопись и «Летопись Панцырного и Аверки» приводят свидетельства тех потрясений, которые испытала Восточная Европа в начале этого столетия и которые стали предвестниками тяжелейшего периода в жизни как Речи Посполитой, так и Московского государства, вошедшего в историю под названием «Смутное время». Так, в Баркулабовской летописи читаем: «Того ж року 602, веснѣ и летѣ на люди были з божого допущения хоробы великие, горючки, бегунки; по местах, по селах много малых деток померло» [Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного 1975: 189]. Мы видим, что для автора, употребившего оборот «з божого допущения», Господь являет свой гнев, насылая на людей болезни. В статье С. О. Козловского перечислен ряд природно-климатических факторов, которые привели к Великому голоду и эпидемиям начала XVII в. [Козловский 2012: 112–114].

Помимо чумы, страшной болезнью, настоящим бичом для средневековых людей, была оспа. Про эпидемию оспы 1608 г. в литовских землях Речи Посполитой мы можем прочесть, например, в Баркулабовской летописи: «того ж року 608 много деток малых з воспы померло» [Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного 1975: 192]. Что касается чумы, страшная пандемия «Черной смерти» XIV в. к этому времени, конечно, уже стала частью истории, но вспышки чумы периодически фиксировались вплоть до XVIII в. (а в некоторых регионах мира — и до конца XIX в.). Также формат статьи не позволяет нам подробнее остановиться на таком уникальном явлении в истории Средневековья, как эпидемии эрготизма (массовые отравления хлебом, зараженным грибом *Claviceps purpurea*, или спорыньей)². Но это уже тема для отдельного исследования.

² Теме эрготизма и связанных с ним социальных катаклизмов посвящено несколько специализированных исследований, например: [Caporaletto 1976; Matossian 1989; Нешпор 2021], а также он упоминается в работах: [Lucas 1930; Поньон 2009].

Вывод

По данным исследуемых источников XI–XVI вв. выявлено 47 сообщений об эпидемиях и различного рода болезнях. Из них к IX в. относится 2 сообщения (807 и 813 гг.). К X в. относится 4 сообщения (901, 963, 988 и 989 гг.). К XI в. относится 6 сообщений (1003, 1007, 1051, 1083, 1092 и 1094 гг.). В XII в. зафиксировано 7 сообщений (1107–1109 гг. (три одинаковых сообщения), 1133, 1154, 1180 и 1186 гг.). В XIII в. — 6 сообщений (1203, 1205, 1230, 1259, 1284 и 1298 гг.). В XIV в. зафиксировано самое большое количество записей — 14, и это не удивительно, учитывая, что это была эпидемия «Черная смерть» (1318, 1330, 1348, 1358, 1360, 1361, 1365, 1366, 1371, 1373, 1380, 1384, 1387 и 1390 гг.). В XV в. о моровых поветриях упоминалось 5 раз (1401, 1416 (два сообщения), 1417, 1430 гг.). К XVI в. отнесем 5 сообщений (1504, 1570, 1588, 1597 и 1598 гг.).

Как уже было сказано выше, большая часть всех сообщений об эпидемиях содержит топосы «мор+голод». На наш взгляд, это можно объяснить тем, что голод, будучи бедствием социальным, из-за ряда факторов (большая степень зависимости населения средневековой Европы, особенно ее северной и северо-восточной части, от климатических условий, все еще достаточно слабое развитие агротехники и логистики, замкнутость производственных коллективов) приобретал черты именно бедствия природного. Также примерно половина сообщений содержит топос «небесное знамение (солнечное или лунное затмение, атмосферное явление, кометы или падения метеоритов) мор». Зачастую небесные знамения для средневековых авторов выступали в очевидной роли «глашатаев», сообщающих Божественную волю. Это могло быть и предостережение, как правило, не несущее ничего хорошего.

Проанализировав эти сообщения, мы можем сделать вывод, что на уровне религиозных представлений и общественного сознания эпидемии в Средние века воспринимались, с одной стороны, как апокалиптические, вселенские явления, а с другой — как Божественное возмездие: «Помалѣ же Божию гнѣву Русскую землю постигъшу за грѣхи нашы» [Житие Юлиании Лазаревской 2006: 110]. Чаще всего считалось, что это была кара за различные отступления от религиозных канонов, в частности отход от догматов Церкви. Так, смешение панического ужаса, страха, осознания собственной вины и наказания за содеянное порождало среди населения ощущение

фатальности и неизбежности происходящего и наделяло эпидемии различными метафорическими и мистическими образами [Изуткин 2018: 34].

Однако есть и обратные примеры, когда Божественная воля избавляла благочестивого христианина от болезни и возвращала его к жизни. Например, благодаря молитвам родителей маленького Войтеха (будущего св. Адальберта), обещавших Господу, что сын их станет «священнослужителем во славу Божией Матери», мальчик, заболевший горячкой и уже бывший при смерти, на следующий же день вылезился: «И едва сложили они сей обет пред алтарём Святой Девы, как во мгновение ока унялась их скорбь, а мальчик пришёл в себя, совершенно здоровый» [Vita secunda auctore Brunone Archiepiscopo 1841: 596]. Обратим внимание еще на один пример излечения от смертельной болезни (тоже, кстати, горячки) клирика собора св. Софии Киевской, когда он после молитвы, обращенной к недавно почившему прп. Феодосию Печерскому, заснул и во сне увидел «преподобного Феодосия, который подавая ему жезл, сказал: “Возьми и ходи с ним”» [Житие преподобного отца нашего, Феодосия, игумена Печерского 2010: 156]. Наконец, вспомним, как свт. Николай (выполняя волю Господа) вернул зрение сербскому королю св. Стефану Дечанскому [Представление св. краля сербского Стефана Дечанского 1885: 83].

Источники

- Анналы Краковского капитула // Польские хроники. Москва : SPSL; Русская панорама, 2023. 544 с.
- Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва : АСТ, 2012. 968 с.
- «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: [Перевод]. Москва : Изд-во Московского университета, 1987. 264 с.
- Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. Москва : Изд-во АН СССР, 1961. 172 с.
- Георгий Сфрандзи. Хроника. Т. 5 // Кавказ и Византия. Ереван : 1987. С. 156–256.
- Житие Юлиании Лазаревской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15: XVIII век. Санкт-Петербург : Наука, 2006. С. 108–117.

Житие преподобного отца нашего, Феодосия, игумена Печерского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга девятая. Май. Москва : Ковчег, 2010. С. 118–159.

Козьма Пражский. Чешская хроника. Москва : Изд-во АН СССР, 1962. 296 с.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. 561 с.

Паусий Хилендарский. История славяно-болгарская // Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков: Сборник. Москва, 1990. С. 226–236.

Полное собрание русских летописей: в 15 т. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1908–1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Ленинград : Изд-во АН СССР, 1926. Т. VIII, 286 стб.; Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Ленинград : Изд-во АН СССР, 1927. 289–488 стб.

Полное собрание русских летописей. Москва, Санкт-Петербург, 1948–2004. Т. 32. 3-е изд.: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного // ПСРЛ. Москва : Наука, 1975. 235 с.; Т. 35: Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Москва : Наука, 1980. 306 с.

Представление св. краля сербского Стефана Дечанского // Жития святых, чтимых православной церковью, с сведениями о праздниках господских и богородичных, и о явленных чудотворных иконах. Санкт-Петербург : Изд-во книгопродавца И. Л. Тузова, 1885. С. 81–92.

Феодосий Печерский, прп. Поучение о казнях Божьих. Историческая хрестоматия, для изучения истории русской церковной проповеди, с общей характеристикой периодов ея, с биографическими сведениями о замечательнейших проповедниках русских (с XI–XVIII в. включительно) и с указанием отличительных черт проповедничества каждого из них. Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1879. С. 62–65.

Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. Москва : Индрик, 1997. 320 с.

- Annales Bohemiae brevissimi // MGH SS. Hannover, 1861. T. XVII. P. 719–721.
- Annales Capituli Posnaniensis // MGH. SS. Hannoverae, 1892. T. XXIX. P. 431–469.
- Annales Gradicensis // MGH SS. Hannover, 1861. T. XVII. P. 644–652.
- Annales Pragenses // MGH SS. Hannoverae, 1839. T. III. P. 119–121.
- Annales Polonorum // MGH. SS. Hannoverae, 1866. T. XIX. P. 612–663.
- Annales Ragusini Anonimi // MSHSM. Zagrabiae : Academia sciaentarium et artium slavorum meridionalium, 1883. Vol. XIV. 328 P.
- Annales Sandivogii // MGH. SS. Hannoverae, 1892. T. XXIX. P. 424–430.
- Canonici Wissegradensis continuatio Cosmae // MGH SS. Hannoverae, 1851. T. IX. P. 132–148.
- Ein «Chronicon breve regni Bohemiae saec. XV» // Mittheilungen des Vereines fuer Geschichte der Deutschen in Boehmen, Jahrgang XXXVII. Prag, 1899. S. 461–467.
- Joannis de Charnkow*. Chronicon polonorum // Monumenta Poloniae historica: Pomniki dziejowe Polski. Lwów : Nakładem własnym, 1872. T. II. 998 p.
- Ioannis Dlugossii*. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 1–10. Varsaviae : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1964–2005.
- Ioannis Dlugossii*. Annales seu cronicae incliti regni poloniae. Liber primus Liber secundus. Varsaviae : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1964. 467 p.
- Ioannis Dlugossii*. Annales seu cronicae incliti regni poloniae. Liber tertius Liber quartus. Varsaviae : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 498 p.
- Lateinische Handschriften in St. Petersburg // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Bd. 5. Hannover, 1880. S. 603–605.
- Monachi Sazavensis continuatio Cosmae // MGH SS. Hannoverae, 1851. T. IX. P. 148–163.
- Vita secunda auctore Brunone Archiepiscopo. Incipit passio sancti Adalberti episcopi et martyris // MGH. SS. 1841. T. IV. P. 596–612.

Литература

- Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
- Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия (V в. до н. э. — XX в. н. э.). Санкт-Петербург : Гидрометеоиздат, 2002. 534 с.
- Василик В. В. Церковь и империя в византийских церковно-поэтических памятниках. Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. 640 с.
- Изуткин Д. А. Эпидемии в эпоху Классического Средневековья в Европе // Медицинский альманах. 2018. № 6 (57). С. 34–37.
- Козловский С. О. «Великий голод и смутное время»: к вопросу о влиянии природно-климатического фактора на социально-политический кризис России второй половины XVI — первой половины XVII в. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, 2012. С. 112–114.
- Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. Книжная культура. Москва, 1998. Вып. 1. С. 26–58.
- Малахова А. С., Малахов С. Н. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI — начало XVII в.). Армавир : Дизайн-студия Б, 2014. 298 с.
- Мусин А. Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2005. 368 с.
- Нешпор Е. А. «Антониев огонь». К вопросу об эпидемиях эрготизма в Средние века // Актуальные проблемы экспериментальной и клинической медицины: материалы 79-й международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов. Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2021. С. 373.

- Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году. Москва : Молодая гвардия, 2009. 362 с.
- Пузанов Д. В. Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX–XIII вв. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2018. 480 с.
- Шайкин А. А. «Сица знаменья не на добро» // ДРВМ, 2002. № 3 (9). С. 105–109.
- Шпаковский Ю. Г. Природные явления — в древнейших летописях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина, 2016. № 4. С. 167–173.
- Saporael L. R. Ergotism: The Satan Loosed in Salem? // Science, 1976. № 192 (4234). Pp. 21–26.
- Curschmann F. Hungersnöte im Mittelalter: ein Beitrag zur deutschen Wirtschaftsgeschichte des 8. bis 13. Jahrhunderts 1874–1946. Leipzig : V. G. Teubner, 1900. S. 218.
- Lamb H. H. Climate, History and the Modern World: Second Edition. London : Routledge, 1995. 410 p.
- Lucas H. S. The great European Famine of 1315–1317 // Speculum. 1930. Vol. 5. No. 4 (Oct.). Pp. 343–377.
- Matossian M. K. Poisons of the Past: Molds, Epidemics, and History. New Haven : Yale University Press, 1989. 190 p.
- Phillips B. The Great Famine and Pestilence 1315–1322. URL: <https://miltonabbashistorygroup.com/the-great-famine-and-pestilence-1315-1322/> (дата обращения: 02.02.2026).

References

- Blok M. *Koroli-chudotvortsy: Ocherk predstavlenii o sverkh"estestvennom kharaktere korolevskoi vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii* [Miracle Kings: An Essay on the Supernatural Nature of Royal Power, Prevalent Primarily in France and England]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1998. 712 p.
- Borisenkov E. P. *Letopis' neobychnykh yavlenii prirody za 2,5 tysyacheletiya (Vv. do n.eh. — XXv. n.eh.)* [Chronicle of Extraordinary Natural Phenomena

over 2.5 Millennia (5th c. BC–20th c. AD)]. St. Petersburg, Gidrometeoizdat Publ., 2002. 534 p.

Vasilik V. V. *Tserkov' i imperiya v vizantiiskikh tserkovno-poeticheskikh pamyatnikakh* [Church and empire in Byzantine church poetic monuments]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2016. 640 p.

Izutkin D. A. [Epidemics in the Classical Middle Ages in Europe]. *Meditinskii al'manakh* [Medical Almanac], 2018, no. 6 (57), pp. 34–37. (In Russ.)

Kozlovskii S. O. [“The Great Famine and the Time of Troubles” on the issue of the influence of the natural and climatic factor on the socio-political crisis of Russia in the second half of the 16th — first half of the 17th century]. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Transactions of the Faculty of History, St. Petersburg University,], 2012, pp. 112–114. (In Russ.)

Laushkin A. V. [Natural disasters and natural signs in the ideas of ancient Russian chroniclers of the 11th–13th centuries]. *Russkoe Srednevekov'e, 1998 g. Vyp. 1. Knizhnaya kul'tura* [Russian Middle Ages. 1998. Issue 1. Book Culture]. Moscow, 1998. pp. 26–58. (In Russ.)

Malakhova A. S. *Fenomen bolezni v soznanii i povsednevnoi zhizni cheloveka Drevnei Rusi (XI — nach. XVII v.)* [The Phenomenon of Disease in the Consciousness and Everyday Life of a Person in Ancient Rus (11th — Early 17th Century)]. Armavir, “Dizain-studiya B” Publ., 2014. 298 p.

Musin A. E. *Milites Christi Drevnei Rusi. Voinskaya kul'tura russkogo Srednevekov'ya v kontekste religioznogo mentaliteta* [Milites Christi of Ancient Rus. Military Culture of the Russian Middle Ages in the Context of Religious Mentality]. St. Petersburg, “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ., 2005. 368 p.

Neshpor E. A. [“Anthony’s Fire”. On the issue of ergotism epidemics in the Middle Ages]. *Aktual'nye problemy ehksperimental'noi i klinicheskoi meditsiny: materialy 79-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh i studentov* [Current issues in experimental and clinical medicine: Proceedings of the 79th International Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students]. Volgograd, Izd-vo VolGGMU Publ., 2021, p. 373. (In Russ.)

- Pon'on E.H. *Povsednevnyaya zhizn' Evropy v 1000 godu* [Everyday life of Europe in the year 1000]. Moscow, "Molodaya gvardiya" Publ., 2009. 362 p.
- Puzanov D. V. *Prirodnye yavleniya v sakral'noi kartine mira narodov Vostochnoi Evropy. Drevnyaya Rus' i ee sosedi: IX–XIII vv.* [Natural phenomena in the sacred picture of the world of the peoples of Eastern Europe. Ancient Rus' and its neighbors: 9th–13th centuries]. St. Petersburg, "Izdatel'stvo Olega Abyshko" Publ., 2018. 480 p.
- Shaikin A. A. ["This sign is not good"]. *DRVM*, 2002, no. 3 (9), pp. 105–109. (In Russ.)
- Shpakovskii YU. G. [Natural phenomena — in the most ancient chronicles]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* [Bulletin of the University named after O. E. Kutafin], 2016, no. 4, pp. 167–173. (In Russ.)
- Caporaël L. R. Ergotism: The Satan Loosed in Salem? *Science*, 1976, no. 192 (4234), pp. 21–26.
- Curschmann, F. *Hungersnöte im Mittelalter: ein Beitrag zur deutschen Wirtschaftsgeschichte des 8. bis 13. Jahrhunderts 1874–1946*. Leipzig: B. G. Teubner, 1900. 218 p.
- Lamb H. H. *Climate, History and the Modern World: Second Edition*. London, Routledge Publ., 1995. 410 p.
- Lucas H. S. The great European Famine of 1315–1317. *Speculum*, 1930, vol. 5, no. 4 (Oct.), pp. 343–377.
- Matossian, Mary K. *Poisons of the Past: Molds, Epidemics, and History*. New Haven, Conn./London, Yale University Press, 1989. 190 p.
- Phillips B. *The Great Famine and Pestilence 1315–1322*. Available at: <https://miltonabbashistorygroup.com/the-great-famine-and-pestilence-1315-1322> (accessed 02.02.2026).